

Человек и время в истории русского литературного языка

ЛЮБОВЬ В. БАЛАШОВА

(Саратов)

В настоящее время практически общепризнанным является взгляд на метафору как на компонент человеческого познания (Лакофф 2004; Лакофф, Джонсон 2004; Балашова 1998). “В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа” (Арутюнова 1990: 6). А это предопределяет антропоцентричность метафоры, “соизмеримость сопоставляемых в метафоризации объектов именно в человеческом сознании, безотносительно к реальным сходствам и различиям их сущностей” (Телия 1988: 4). Данное свойство вписывается в общую антропологическую парадигму научного знания. “Современная наука достигла такого уровня понимания действительности, на котором отказ от единых и универсальных критериев истины, признание многообразия мира и – как следствие – неоднородности научной картины, отражающей мир, выступает как неперемное условие дальнейшего развития познания” (Бардина 1996: 3).

Данные характеристики ярко проявляются в одном из наиболее устойчивых в диахронии переносе «пространство → время». Показательно, что мотивация ключевого существительного **веремя (врѣмя)** изначально связана с пространственной семантикой. Исследователи либо возводят его к индоевропейской основе ‘вертеть’, тем самым первичное значение трактуется как ‘нечто кипящее’ (Буслаев 1992: 276) или как ‘нечто вращающееся’, ‘круговорот’ (Фасмер 1986 I: 361; Якобсон 1969: 32-35; Степанов 1997: 123), либо связывают это существительное с индоевропейским ‘путь, колея,

рытвина, желоб' от 'делить, резать' (Преображенский 1958: 139; Маковский 1989: 62), тем самым время воспринимается как отрезок пути, линия.

Сейчас трудно однозначно определить мотивацию значения слова, поэтому, по-видимому, следует согласиться с А.Г. Преображенским, который, вслед за А. Мейе, считал, что первоначальное значение существительного "так далеко, что сближение с *вертеть*... является не более, чем гипотезой, которую трудно доказать" (Преображенский 1958: 139), тем более что к началу XI в. пространственного значения ни русский, ни старославянский вариант существительного уже не имели. Вместе с тем в трактовках мотивации временного значения ключевого существительного можно усмотреть принципиальное различие. В первом случае время воспринимается как циклическое, вращательное движение, во втором – на первый план выходит представление об отрезке прямой, о периоде как о пути, пройденном в определенном направлении.

Первый тип представления (первая макро модель) – циклическое время – признается более архаичным и связанным с циклическими явлениями в природе – восходом и заходом солнца, сменой времен года, рождением и убыванием луны (Яковлева 1994: 97; Степанов 1997: 123; Фрейденберг 1997: 71). Это получает отражение в мифологическом восприятии времени: "мифологическое сознание характеризуется замкнуто-циклическим отношением ко времени. Годичный цикл подобен суточному, человеческая жизнь – растительной, закон рождения – умирание – возрождения господствует над всем" (Лотман 1992: 36).

В памятниках древнерусского языка временные значения развивают существительные *кругъ*, *коло*, а также некоторые словообразовательные производные с приставками соответствующей пространственной семантики – *объ-*, *про-* (ср.: *кругъ луны* 'период в 19 лет'; *обиходъ*, *обхожденик* 'круговорот, период, цикл'; *обитися*, *проити* 'завершиться'; *обношеник* 'течение жизни'. В текстах эти ЛСВ используются для выражения законченного или повторяющегося цикла, где человеческая жизнь подчинена этому вечному вращению (ср.: *кругъ врѣменъ црскихъ*. Пётр II 1345¹; *житие члче коло есть*, *обращаася и опаляемо от геены*. ВМЧ XI; *да потому пасхалии и лунник учинено коловратно*. Ген XV; *Бѣмѣръ двѣ*

¹ Здесь и далее при цитировании текстов XI–XVII вв. используется система сокращений, принятая в современной российской лексикографии.

прѣстѹю лѣтними обиходы и сѣвिति правовѣрно чловѣчѣстии съньми поемъ тѣ. Мин 1096). Такое положение сохраняется и в дальнейшем (ср.: колесо истории, круглый день, круглосуточно), хотя продуктивностью данная модель восприятия времени в современном русском литературном языке не отмечена.

Более последовательно в русском литературном языке на протяжении всего периода его исторического развития реализуется представление о линейном времени, развертываемом по горизонтали (вторая макро модель). При этом отношения человека и времени в разных моделях складываются по-разному.

Так, одной из самых продуктивных является модель, согласно которой человек статично расположен в некоей точке пространства (или замкнутом пространстве), воспринимаемой как точка отсчета, как настоящее. Время, его отдельные отрезки, события активны и динамичны. Положение перед данной точкой или движение к ней – это будущее, положение за спиной человека или удаление от него – прошлое (И еще убо идуть лѣта. в няже не бѹдетъ ни оратвы. ни жатвы. Пал 1406; А мнѣ королеви помагати. ольна годъ минеть дмитриевъ днь. Гр 1366). Расстояние между субъектом и точкой отсчета характеризует близость или отдаленность во времени события, периода (ср.: Оубы мнѣ яко влизь днь гнь. Изб 1076; Се яко видиши уже вечеръ сѹщъ и утрнии днь далече естъ. УспСб XII/XIII). Последовательность событий передается указанием на относительное положение ряда субъектов на этой оси (По чередам избвѣно ѣ в то время лѣпших [князей]. ПВМ). Значение длительности связано с представлением о движении нескольких субъектов – единиц времени (Минѹша .д). мсцѣ. ГА XIII–XIV). Скорость перемещения также определяет длительность процесса, события (Пиянство... въ бѣрзѣ даюшти сѣмьртъ. Изб 1076).

Человек в данной модели пассивен по отношению ко времени: “время движется относительно человека, осознающего себя в неподвижном пространстве” (Успенский 1989: 31). Характерно, что пассивность человека осмысливается как независимость от него всего происходящего, причем эта независимость распространяется не только на внешний мир, но и на внутренний. Мысли, чувства, состояния воспринимаются как субъекты, существующие вне человека, свободно приходящие и покидающие человеческое тело (Лютѣ чловкѹ томѹ имѣ же сѣблвизнѣ приходить. ЕвМст 1117).

Вместе с тем человек является центром, относительно которого движется время и события. “С прошлым человек связан памятью... К будущему отнесены желания и надежды... С растяжимой, «бегущей» точкой настоящего человек связан непосредственными ощущениями... Настоящего как бы нет, но только в нем возможны непосредственные контакты с действительностью. Только в настоящем человек «присутствует» в мире. Присутствие человека в мире наполняет «формальное время» событиями” (Аругюнова 1998: 689).

Человек может вступать со временем в контакт. Обладание временем (циклом, периодом), удержание его в собственном пространстве трактуется как свобода распоряжаться данным циклом по своему усмотрению. Соответственно неспособность удержать время свидетельствует о неумении эффективно распорядиться им – ситуация становится неподвластной человеку: *изпущати* ‘пропускать что-либо, не воспользоваться чем-либо’ (Не мякчатися и не врещи. ни изпущати времене. его же паку получитьи недомыслено. ГБ XIV); *изпустити* ‘утратить’ (Уносьтьню крѣпость испущу. Пч XIV); *перевести* ‘промедлить’ (Ты же како ми ся еси обѣчалъ всѣсти на коня и помочи ми, ты еси то лѣто и зиму перевелъ, а нынѣча еси всѣлъ, то како ми еси помоглъ? ЛИ 1425).

Цикличность, повторяемость событий ассоциируется с движением вспяť, с круговым возвращением в точку отсчета (ср.: *възпять*, опять ‘назад’ → ‘вновь’). Исследователи усматривают в этом общий синкретизм архаических понятий, свойственный мифологическому восприятию мира (Колесов 1991; Радутная 1996).

Вечность в данной модели либо связана с представлением о Боге, находящемся вне системы временных координат, центром которой является человек (Яковлева 1994: 87), либо воспринимается “как застывшее постоянное «теперь»” (Соколов 1979: 60), ср.: *непрѣдущии* ‘вечный’ – *мимоходящии* ‘временный, недолговечный’. Статичное пребывание в точке «теперь» ассоциируется также с непрерывностью, длительностью определенного цикла: *настоати* ‘длиться’ (ср.: Еще браку настоащу и на немъ поемомъ пѣсньмъ, вънутрняя же вся попялаше дѣвизи. ЖФСт XII); *непрѣстаннѣ* ‘постоянно’ (ср.: Имѣи на умѣ непрѣстаннѣ сего, и будеть ти стѣна вся твоя лѣта. УспСб XII/XIII).

В древнерусском языке отражено два представления об обращенности человека к прошлому или к будущему: прошлое может располагаться как перед человеком, так и позади него (ср.: Се же, братья, намъ предлежитъ

[‘предстоит в будущем’] животъ и смерть. ЛП I; И вражденое убинство слышавъ напереди [‘раньше’] до сего, и дхмъ бжственымъ разгорѣвъся... ЛЛ 1377; Хс)тъ въ послѣднимъ [‘в позднейшем, в нынешнем’] родѣ севѣ сѣдѣльника показа. УспСб XII/XIII). Большинство исследователей считает второе представление более древним и связывает его с процессом видения – познания: “прошлое мы знаем, оно отчетливо перед нашим взором, напротив, будущее нам неведомо, оно расположено где-то за нашей спиной, где у нас нет глаз и куда не достигает наш взор” (Степанов 1997: 126); “архаичный тип сознания обращает мысль не к концу – результату, а к началу – к истоку” (Лотман 1977: 99).

Однако, на наш взгляд, в данном случае человек не просто поворачивается к прошлому лицом, но и становится относительно активным. Он движется навстречу прошлому, вернее, он вступает на ось времени (настоящее и прошлое). События и человек представляют собой «очередь», где каждый последующий, занимая позицию за предыдущим, оказывается обращенным лицом к этому прошлому (ср.: Что предшло знаю, что же пришествие будет – не вѣмъ. ЕвОстр 1056–1957). Н.Д. Арутюнова называет эту модель Традиционным путем: “в представлении ветхого человека по проложенному во времени Традиционному пути впереди шествуют *пред-ки*, потом идут *потом-ки*, *след-ом* за перво-*проход-цами след-уют* их по-*след-ователи*. Прошедшее открыто взгляду путников. Будущее открывается им по мере перехода в настоящее – прошедшее” (Арутюнова 1998: 689-690).

Активность человека в данной модели весьма относительна. Он (или событие) движутся только для того, чтобы занять стабильное положение во временной очереди, в череде событий. Тем самым единственным для двух указанных моделей является пассивное восприятие бытия: в древнерусском культурном сознании “время не было ориентировано на воспринимающего его субъекта. Его мыслили как объективно и независимо существующее” (Лихачев 1979: 255).

Сложная и неоднозначная система бытийно-временных значений, формирующихся на базе представления о времени как о независимом субъекте, сохраняется и в современном русском литературном языке (ср.: *Как это смерть так близко надвинулась?* Тургенев; *Первый день в школе прошел весело и беззаботно*. Исаковский; *Дальше наступила неизбежная череда событий, в круг которых своевольно ввергал себя Прохор Петрович Громов*. Шишков; *За чаем следует долгий и скучный вечер*. Гл. Успенский). Однако

абсолютно преобладающим становится “встречное движение времени” (Яковлева 1994: 77).

Уже в древнерусском языке складывается основная система конкретных средств выражения значений, формирующихся на базе данной концептуальной модели. Это прежде всего члены семантических полей (СП) движения и положения в пространстве, в частности, лексемы из словообразовательных гнезд: *близь, даль, ити, ходити, грядсти, минути, ступати, слѣдъ, течи, стояти*.

Спецификация бытийно-временного значения у членов этих и других гнезд определяется значением корня и приставки: *ближитися* ‘приближаться в пространстве → во времени’; *грядсти* ‘двигаться в направлении к определенной точке пространства’ → ‘наступать (о времени)’; *минути* ‘оставить позади’ → ‘завершиться’; *пристигнути, приходити, приити* ‘прибывать / прибыть’ → ‘наступать / наступить’; *отъступиити, отйти* ‘отойти’ → ‘завершиться’ (ср.: *Грядет година. егда мртвни услышатъ глас сѣбѣя. ЖВИ XIV–XV; Когда минет мсць. куплю створим. ГБ XIV; Постигшу же вечеру, поклонишася ему братья. ЛЛ 1377; Аще борения таковаго нѣсть, но вѣнцемъ такимъ не отступило время. Прав XV*).

Поскольку направленность движения и относительность положения в пространстве наиболее четко выражается именно приставкой, то уже в XI – начале XV в. состав этой части метафорического поля в основном состоит из префиксальных лексем. Такое же положение сохраняется и в дальнейшем (ср.: *приблизиться, приближаться, приближение, прийти, приходиться, пройти, пролететь, пробежать, протечь, уйти, улететь, улетучиться, уходить, отойти, отходить, отлететь*). Менее последовательно в процесс метафоризации включаются члены несамостоятельного или управляемого, совместного движения, обладания (ср.: *переводъ, държаник* ‘задержка, промедление’; *невъздържанныи* ‘неотвратимый’; *упустити* ‘пропустить, миновать’). Характерно, что и в дальнейшем их число обычно невелико по сравнению с лексемами относительного положения в пространстве или самостоятельного движения, хотя сам принцип образования подобных переносов присущ и современному русскому языку (ср.: *провести время в Крыму, упустить время, пропустить несколько занятий*).

Вместе с тем система средств выражения бытийно-временных значений в истории русского языка не является неизменной. Она претерпевает ряд существенных изменений. Так, в ходе исторического развития может

существенно варьироваться состав тех гнезд, которые устойчиво развивают этот тип значений на протяжении XI – XX вв.

С одной стороны, идет последовательная метафоризация префиксальных и суффиксальных образований, причем у новых членов частотна фиксация бытийно-временного значения уже в первичном ЛСВ (частичная метафора). Например, среди членов гнезда *близь* бытийно-временное значение в XI – начале XV в. имеют лексемы *близь*, *близитися*, *ближини*, *ближенник*, *приблизитися*, *приблизитися*; в конце XV – XVII вв. в этот процесс вовлекаются *ближнии*, *близко*, *близъ*; в XVIII в. – *близкий*, *близстоящий*, *близкость*, *близость*; а в современном русском языке – *приближать*, *приближение* и др. Если в XI – начале XV в. в гнезде *даль* значения типа ‘отдаленный во времени’ развивали лексемы *дальнии*, *далече*, то в дальнейшем в систему включаются – *далекий*, *далеко*, *дальнейший*, *отдалиться*, *отдаленный*, *отдаленность*.

Характерная особенность продуктивных в диахронии гнезд – расширение самой системы бытийно-временных значений, выражаемых их членами. Так, в XI – XVII в. в гнезде *близь* временного значения не имели каузативные глаголы, и лишь с XVIII в. у них фиксируется этот тип значения, тем самым члены этого гнезда получают возможность не только фиксировать объективное положение субъекта на оси «пространство – время», но и характеризовать операции со временем: субъект влияет на скорость перемещения по оси объекта от грядущего к настоящему, то есть способствует скорейшему возникновению чего-либо (ср.: *И он придет – победы нашей час! Приблизь его, добудь его в сраженье*. Светлов). Тем самым человек получает возможность не только контактировать со временем, но и оперировать им.

С другой стороны, в диахронии наблюдается сокращение числа членов многих гнезд. Так, в древнерусском языке в составе гнезда *ити* бытийно-временное значение по данному варианту модели развивают лексемы *ити* ‘наступать, начинаться’; *възити*, *донти*, *нанти*, *принти* ‘начаться, наступить’; *прѣити*, *мимомити*, *ѹити*, *выити*, *изити* ‘закончиться, истечь (о сроке)’. В дальнейшем многие из дублетных форм выходят из употребления, тем самым усиливается системность в выражении этого типа бытийно-временных значений с помощью членов одного СОГ.

Подобное явление наблюдается и в составе других однокоренных единиц. Так, значительно разнообразнее в древнерусском языке была система

средств выражения бытийно-временных значений членами гнезда *мимо/минуты* (ср.: *миновати, минути, минувъшии, минутися, миновение, прѣминути, ѹминовати, мимонти, мимолетѣти, мимотекати, мимотечи, мимотечение, мимоходити, мимоходство, мимоходящи*). Большинство из них впоследствии утрачивается, но ядерные *миновать, минуть* продолжают функционировать во временном значении и сейчас (ср.: *Бойцы вспоминают минувшие дни...* Пушкин; *Как скоро ночь минула!* Грибоедов; *Кризис миновал, началось возвращение к жизни.* Чехов).

Утрата семантически дублетных лексем происходит не только среди членов одного гнезда, но и в составе различных лексических парадигм. Наиболее активно этот процесс охватывает лексемы с однотипной словообразовательной структурой. Так, в древнерусском языке антонимические ряды 'вечный, постоянный' – 'временный, непостоянный' часто составляют восходящие к причастиям прилагательные со схожей словообразовательной структурой: *мимотекущи, мимоходящи, мимогрядущи, прѣходьныи* и др. – *неминущи, непрѣдомыи, непрѣдущи, непрѣходьныи, непрѣложьныи, непрѣстаньныи*. В современном русском языке многие из них (во всяком случае, в таком значении) утрачиваются, хотя их место могут занять новые дериваты, построенные по той же схеме (как правило, они составляют разряд частичных метафор, ср.: *непреходящие ценности*).

Вовлечение новых членов и утрата многих семантически дублетных форм, безусловно, относятся к процессам, связанным с укреплением системности внутри метафорического поля. Однако этот процесс никогда не становится абсолютным. В разные периоды развития русского языка могут наблюдаться отклонения от общей тенденции. Так, в гнезде *влизь* в конце XV-XVII вв., наряду с возвратным глаголом *влизитися*, фиксируется целая группа синонимичных невозвратных глаголов (ср.: *Время влизаетъ къ розлитию крови християнские.* ПолД II 1555; *Насъ шахъ задержал не малое время, а зимней путь влизеет.* ПосБар 1619). В других гнездах, наоборот, может развиваться система семантически дублетных возвратных вариантов (ср.: *А как минется ярманка и в тѣ поры бревна разомкнѹвъ и поставил по берегу.* ДАИ IV 1658). В дальнейшем эти варианты как избыточные для системы не сохраняются (по крайней мере – в литературном языке).

Подобные изменения не оказывают существенного влияния на развитие и функционирование системы в целом, однако наличие самой возможности варьирования средств выражения однотипных значений однотипными в

семантическом и словообразовательном отношении лексемами свидетельствует о постоянном противоборстве тенденций к системности и избыточности. Впрочем, появление большого числа однокоренных или однотипных с точки зрения словообразовательной структуры вариантов тоже может быть рассмотрено как проявление системности – продуктивности самой концептуальной модели метафоризации.

В целом число средств выражения бытийно-временных значений по данной модели в диахронии увеличивается, причем этот процесс охватывает не только глагольные и наречные в своей основе парадигмы, составляющие ядро данной метафорической микросистемы, но и существительные. Характерно, что это происходит не только за счет синтаксической деривации (развитием бытийно-временных значений у отглагольных существительных по образцу производящих глаголов), но и за счет вовлечения в метафорическую микросистему собственно субстантивных парадигм (ср. Существительные, называющие последовательность сменяемых во времени событий, в современном русском литературном языке – *чередa / чреда / цепь / цепочка / ряд событий*).

Наряду с изменениями, связанными с ростом продуктивности самой модели выражения бытийно-временных значений с помощью пространственной лексики, с укреплением системы средств выражения конкретных типов значений, в диахронии наблюдаются изменения, затрагивающие систему представлений о бытии во времени как о пространственной категории.

В частности, как уже отмечалось, в современном русском языке побеждает линейное представление о времени с «фасадной» системой координат, в которой человек «обращен лицом» к будущему (Яковлева 1994: 54-81). В системе средств выражения это проявляется в последовательном сокращении числа слов, способных выражать более архаичный взгляд на время, хотя и в новое время встречаются такого типа номинации (ср.: *Всякое из них [разделившихся государств] впало в разные руки правителей, которые впредь [‘прежде, раньше’] отличались, и напоследокъ зделались совсем друг от друга независимыми.* Трт 1769).

В целом архаическая модель времени полностью не утрачивается языком: она сохраняется, например, в семантике некоторых наречий, прилагательных – *прежний, прежде*. Однако в этом случае язык стремится более четко дифференцировать средства реализации «фасадной» и архаической моделей, что также является проявлением тенденции к укреплению системности метафорического поля.

Так, в прошлом фактически антонимические значения ('быть в будущем' – 'быть в прошлом'; 'происходить ранее какого-либо события' – 'происходить позже какого-либо события' и т.п.) могли выражаться словами одного гнезда, а иногда и одной и той же лексемой (ср.: Како ұставили переднии ['прежние'] князи, тако платите дань. ЛН I XIII–XV. – А в переднии ['предстоящие, будущие'] годы с росолу дань платит старцеъмъ. КнСол 1552; А вудѣтъ пьеже ['раньше'] на неи [жене] не былъ сорома, за то платити гривнъ .є). серебра. Гр 1229. – Изяславъ же вѣше реклъ: переже ['в будущем'] въ обидѣ не могу быти. ЛН 1425; Не тькмо же въ наставъшую ['следующую'] ношь яви ся огонь нъ и до многа лѣта являше ся. СП XI–XII. – Хлѣвъ нашъ наставшаго ['нынешнего'] дне. Вост I 1270). В современном русском языке либо происходит полная утрата одного из типов значений, либо разные члены одного гнезда закрепляются за выражением семантики разного типа (ср.: *прежний, прежде* закрепляются в значении 'прошлый', 'в прошлом', а *впереди, впрдь* – 'в будущем').

Подобные изменения можно наблюдать и в макромодели, характеризующей время не в горизонтальной, а в вертикальной системе координат: движение сверху вниз и снизу вверх (ср.: *възити* 'наступить'; *нижнии* 'последующий, позднейший': Послѣдъ же елиньство въ ересу поступи въ нижнее лѣто... КЕ XII; Не вѣсть во како судъ бни взидеть. Пал 1406). Использование слов, характеризующих движение вверх, как временной ориентации от прошлого к настоящему (а не от настоящего – к будущему), связано и с натуралистической макромоделью, с представлением о мире как о «мировом древе», где прошлое (корни) находится под землей. Не случайно глаголы, характеризующие движение снизу вверх, из замкнутого пространства наружу (*възити, проити, произити*), обязательно предварительно развивают значение 'прорасти (о растении)' или 'родиться (о человеке)'. Выйти наружу, стать видимым – значит не только получить место в мире, во времени, но и стать настоящим. В дальнейшем этот способ формирования переносных значений не получил распространения, хотя перфектное значение 'случиться' часть глаголов сохраняет (ср.: *Со мной произошел интересный случай*).

Возможность называть длительный период времени, связывающий прошлое и настоящее, или характеризовать процессы интеллектуальной деятельности, ориентированные на прошлое, при помощи слов, включающих в семантику признаки размера или движения от поверхности земли в глубь пространства, в целом в литературном языке сохраняется (ср.: **И**

глубокъ обычаи принимѣ. Пч XIV; И въ старости глубоцѣ къ господу отъиде. ЛС, сп. XVI. — Все эти дошедшие до нас из глубины веков вещи можно увидеть в Эрмитаже. Рыленков; Прозоров углубился в воспоминания о далекой юности. Мамин-Сибиряк). Время здесь осмысливается как нечто статичное, обладающее определенной протяженностью, тогда как субъект активен в этом «пространстве».

В целом в истории русского литературного языка преобладает линейное представление о времени горизонтальной ориентации. Но весьма показательными являются изменения, связанные с использованием лексики относительного положения в пространстве. Так, в прошлом по сравнению с современным русским литературным языком была более разнообразной система глаголов и имен, наречий, характеризующих как вертикальное, так и горизонтальное размещение объекта: настояти, надъстояти 'приближаться во времени'; установка начаться, прѣдълежати 'быть в будущем' (ср.: .. яко настонтъ днь гнь. СИА XII; Не предажь мене предълежи.мому искушению на пагубу. ПНЧ 1296). В дальнейшем в составе временного метафорического поля, как правило, сохраняются лишь лексемы вертикальной ориентации объекта (ср.: Стояла середина августа. Павленко; Ну, Робинзон, тебе предстоит работа трудная, старайся. А. Островский; Простоят старые порядки до ее смерти. Добролюбов; Такие светлые денечки постоят недолго. Задорнов).

Наконец, в диахронии значительно увеличивается число глаголов движения, маркированных по признаку скорости, способных развивать бытийно-временное значение. В древнерусском языке данные члены пространственного СП вообще не развивали временных значений. Лишь в XVII – XVIII вв. фиксируются вѣжати, летѣти в значении 'быстро проходить (о времени)' (ср.: День здѣ вѣжит скорая птицы, присно летит без возницы. ИГрЦ XVII–XVIII; Бегущих дней не удержатъ. Херасков, 347). В современном русском литературном языке данная парадигма – одна из самых продуктивных (ср.: время идет / бежит / летит / мчится / тащится / плетется / скачет и др.).

В целом включение в состав этой части временного метафорического макрополя глаголов движения, маркированных по признаку скорости, связано с возможностью воспринимать время как субъективную, относительную категорию. Это новый тип абстракции, связанный с изменением самого восприятия отношений человека и времени. По-видимому, складывается он достаточно поздно, что и отражается в языке. Не случайно

во всех современных славянских языках данные глаголы способны выражать указанное значение, но абсолютного параллелизма здесь нет. Так, в украинском языке не имеют соответствующих временных значений глаголы *летіти*, *мчатися*; в болгарском – глагол *бягам*; с сербскохорватском – *бежати* (в болгарском – *времето лети*; в украинском – *літа біжать*; в польском – *godziny leca*). Таким образом, способность воспринимать время как относительную, субъективную категорию – один из магистральных путей развития в концептуальной и языковой картине мира славянских языков, но формируется этот тип значения у соответствующих лексем (по крайней мере в русском языке) достаточно поздно, что связано, по-видимому, со сложностью самой концепции такого представления.

Наряду с различными вариантами второй метафорической макромодели времени, в которых человек занимает статичное положение на горизонтальной оси, тогда как время и события перемещаются по этой оси, в древнерусском языке не меньшей продуктивностью отмечена принципиально иная модель взаимодействия человека и времени.

Здесь время мыслится как пространство, дорога, линия, отрезок прямой определенной протяженности (абсолютной или относительной). Человеку же свойственно «активное преодоление времени, движение во времени как некоем «жизненном пространстве» (тесная ассоциация с пространством придает времени статичность: это «поле», которое мы «переходим»)» (Яковлева 1994: 80). Ярким проявлением данной концепции является пословица – *жизнь прожить не поле перейти*.

Таким образом, время предстает в виде мерной шкалы, по которой движется активный субъект (человек, событие, явление). Его относительное положение на данной оси соответствует определенному этапу в его развитии, а размер отрезка характеризует длительность процесса, явления и т.д. Наличие такой концепции времени в древнерусском языке отмечал еще Ф.И. Буслаев: «Переход значения места к значению времени сохраняется в некоторых выражениях, как, например, и с тѣхъ мѣстъ клоуѣкъ вѣый въ Новѣгородѣ (Новг. лет., с. 140) – *покамест, час места*. Поскольку время и место равно подлежат измерению, одна и та же мера иногда принимается в языке для обозначения и пространства – *верста*, и времени: князь *Андрѣи отъ млады версты Христа возлюбивъ* (Ипат. лет., III); еще *чнтьсыи верстою, но совершенъ чмомъ*. (Пск. лет., с. 44)» (Буслаев 1992: 276). Именно к этой модели применима характеристика архаической модели мира

в целом, данная В.Н. Топоровым: “время может «сгущаться» и становится формой пространства” (Топоров 1983: 231).

Архаичность представления времени как движения человека в определенном направлении подтверждают и этимологические данные. Так, противопоставление ‘ранний (рано)’ / ‘поздний (поздно)’ во многих индоевропейских языках восходит к более древнему семантическому противопоставлению ‘скорый, быстрый (скоро, быстро)’ – ‘медленный, вялый, слабый, обессиленный, умирающий’ (Каралюнас 1986: 77). Таким образом, более ранний период ассоциируется со способностью человека в начале пути, в молодости идти быстро, тогда как поздний период оказывается связанным с усталостью, с медленной скоростью движения человека в конце пути, в конце жизни. Непосредственного отражения в системе древнерусской лексики этот тип ассоциации не получает, но он значим для концептуализации времени в целом. Данная модель очень устойчива в диахронии и сохраняется на протяжении всего исторического периода развития русского литературного языка с XI по XX век.

Итак, определенная точка на оси «пространства – времени» характеризует временную грань, этап в бытии чего- или кого-либо (ср.: Єдино лѣто.д. измѣны имѣеть и єдина черта [‘мгновение’] временная многи вещи измѣняеть. Пч XIV/XV; А кже по утрѣни и доже и до вечера межа [‘временная граница’] вьшью имѣ ксть пощение. ГА XIII/XIV. – *Саша в середине лета вдруг начал скучать*. Чехов; *Запахи, как это бывает на грани вечера и ночи, стали особенно резкими и яркими*. Липатов). Протяженность отрезка соответствует длительности события (ср.: Вѣкъ сии коротокъ, мѹка долга. СБХл XIV. – *Короче становился день*. Пушкин; *Пауза была так длинна, что на шхуне забеспокоились*. Диковский). Именно в этой модели значимыми становятся понятия начала и конца как предельных точек человеческой жизни, бытия какого-либо явления и мира в целом (Степанов 1997: 124) (ср.: Всякого дѣла коньць прѣдъ начялѣмъ распытан днь и ношь къ коньчнѹмѹ же дни вѣзираи вѣинѹ. Изб 1076. – *Это было в начале сорок восьмого года*. Тургенев; *Часы показывали конец рабочего дня*. Ажаев).

Представление о вечности реализуется через образ неограниченного пространства. (ср.: Неизменимыи, неконьчѣнии онъ и нестарѣющии вѣкъ. КЕ XII. – *Период этот будет конечен, а время бесконечно*. Л. Толстой).

В соответствии с таким представлением изменение длины отрезка воспринимается как изменение длительности, а его обрыв, разрыв – как про-

извольное или насильственное прекращение процесса, явления или его непостоянство во времени (ср.: Да не угодыа ради челоуѣкъ потыщнициса скоротити молитвы. ПС 1499; И удолжи Богъ лѣтъ ему. ЖАН XV~XIII; от многа плача рѣчь преторзает ми ся и токмо скоуднѣдва изношу слово. ЖСП XV. – *Это укоротило сроки отливков.* А.Н. Толстой; *Это удлинит путешествие еще на сутки.* Трифионов; *Почти до утра шел спор и не кончился; его оборвали, убедившись, что не столкнутся.* Кожевников).

В данном варианте концептуальной модели времени будущее всегда находится впереди: человек перемещается от начала к концу (из настоящего в будущее), проходя определенные точки как границы определенных этапов в его развитии. Тем самым активность человека (или события, явления, приравненных к нему) естественно связывает время и развитие. Вместе с тем представление о длительности все же превалирует над представлением об изменении, развитии (ср.: А не вѣдыи дондете ли оутреняго дне. ПрЮр XIV; Сты во днь свѣтовъ, въ нь же приидохомъ. ГБ XI. – *Хорошая будет жизнь лет через пятьдесят, жаль только, что мы не дотянем.* Чехов).

Формирование соответствующих бытийно-временных значений может быть обусловлено также представлением о несамостоятельном перемещении, произвольном изменении положения объекта на оси «пространства – времени» или удалении объекта с этой оси. Такое действие ассоциируется с изменением срока исполнения чего-либо, с намеренной задержкой в осуществлении чего-либо (ср.: Того гласа ради... и отложения [‘отсрочка’] цѣлениу сътвори, елма же моляща глѣста... УспСб XII/XIII. – *Поездка в Киев была отложена на год...* Короленко).

Как разновидность данной модели можно рассмотреть формирование переносных значений ‘произойти, наступить’, ‘достигнуть (о сроке, возрасте)’ и т.п. у слов, в первичном значении характеризующих встречу двух субъектов в определенной точке пространства, нахождение их в одном замкнутом пространстве. В этом случае один из субъектов – это событие, срок, возраст, а второй – это, как правило, человек или другое событие, явление. Совмещение субъектов в пространстве воспринимается как их совмещение во времени: състатиса ‘собраться’ → ‘случиться’; съвязатиса ‘связаться’ → ‘начаться, завязаться’; постигнүти ‘догнать’ → ‘застигнуть’, ‘дожить’; сълүчитиса ‘соединиться, сочетаться’ → ‘совершиться, произойти’ (ср.: И свяжется тѣмъ крестіаномъ судъ съ монми крестіяны съ волостными, ино ихъ сүжү язъ самъ князь Федоръ Федоровичь. Гр 1400;

Не вѣьмы, аще постигну до вечера. ПатПеч XIII: 112. – Вчера он решил подняться раньше всех, пойти на палубу, чтобы встретить зарю. Липатов; При выполнении этого задания мы столкнулись с большими трудностями. Ажаев).

В определенной степени здесь можно усмотреть и действие первой горизонтальной модели, поскольку событие, явление, ситуация воспринимаются как самостоятельные субъекты. Но если в первой модели в качестве одного из субъектов может выступать конкретный период времени, то в данном случае в роли такого субъекта выступает обычно наименование ситуации, процесса, состояния. По-видимому, в данном случае можно говорить о совмещении двух моделей, а возможно, о тенденции к созданию новой модели на базе двух основных. Это можно обнаружить и в некоторых других случаях.

В принципе статичное «пространство» времени и бытия в нем может быть развернуто до Вселенной, то есть до всего «населенного мира» (Степанов 1997: 96-120). В этом случае выход за пределы или насильственное удаление объекта из этого отмеченного пространства осознаются как смерть, гибель, уничтожение, прекращение бытия. Очень стабильно в диахронии данный вариант модели реализуют члены СП движения, положения в пространстве, а также лексемы деструктивной семантики, включающие в значение пространственный компонент типа ‘стереть, очистить, удалить с поверхности’ и т.п. (ср.: прѣложитися, прѣставитися ‘умереть’; прѣйти ‘окончиться’, ‘перестать существовать’; истребити ‘очистить, удалить’ → ‘уничтожить’; загладити, изгладити, погладити ‘сровнять; счистить’ → ‘уничтожить’ – уйти из жизни, покинуть этот мир; переселиться в мир иной; стереть с лица земли; изгладить из памяти воспоминания; воспоминания давно стерлись из его памяти).

Таким образом, в целом модель очень устойчива в диахронии. Вместе с тем система конкретных значений и способов их выражения может претерпевать значительные изменения в ходе исторического развития языка.

Ряд изменений связан с упорядочением средств выражения конкретных значений лексемами одного гнезда или одной лексической парадигмы. Наиболее ярко этот процесс проявляется в ядерной части СП относительного размера, протяженности по горизонтали.

Как уже отмечалось, длительность определенного явления, события мотивируется в этой модели прежде всего протяженностью отрезка на мерной шкале времени. Наиболее регулярно уже в древнерусском языке данный

тип значений развивают члены гнезд дѣлгыи и коротькыи: дѣлгыи, дѣлгысть, дѣлготыныи, дѣлжити, пролѣлжати; коротькыи, кратькыи, сѣкратити, сѣкоротити. Характерно, что старославянский вид корня (кратькыи) в текстах преобладает, причем такое положение сохраняется до настоящего времени. Более того, многие члены с исконно русским видом корня утрачивают временное значение (ср.: сѣкоротити, сѣкоротитися). Тем самым происходит расхождение по значению этих первоначально тождественных в семантическом отношении систем.

Не развивают временных значений в древнерусском языке члены гнезд *длить / длина*. Лишь в конце XV в. длннын фиксируется в значении 'продолжительный во времени' (Послалъ къ тебѣ тѣ грамотѣ съ своею печатью съ нами того дѣля, чтобы ваше дѣло не длнно было. РИД I 1490). Глаголы же длнти, длтися с конца XV по XVII в. характеризуют не продолжительность события, а произвольное изменение его длительности, срока исполнения – 'медлить, мешкать' (Нынѣ своимъ дѣломъ длнти не хочеть. ПолД III 1563; Аще ли нынѣ терпимъ, время длнимъ, сами отъ себя погивнемъ. НП XVII). В то же время в древнерусском языке значение объективной продолжительности события регулярно развивают члены гнезда *даль*, впоследствии практически утратившие такую возможность: *далече* 'долго'; *далечнии*, *далечныи* 'долгий, продолжительный'. Указанные изменения ярко отражают тенденцию к упорядочению средств выражения временных значений однокоренными лексемами.

В древнерусском языке, как и в современном русском, слова с тем же корнем стабильно используются при указании на отдаленность события от точки отсчета, настоящего (первая модель): *в далеком прошлом*, *отдаленное будущее*. Формирование же бытийно-временных значений по второй модели постепенно утрачивается. Тем самым система средств выражения значений этого типа с помощью пространственной лексики становится более четкой.

Подобного рода изменения можно обнаружить и в других лексических парадигмах и гнездах. Так, в ходе исторического развития сокращается число членов гнезда *ити*, формирующих бытийно-временные значения по второй модели (с движущимся субъектом по статичной оси времени): выходят из употребления ЛСВ, связанные с характеристикой возраста человека, определенного этапа в его жизни у лексем *доити*, *прити*, *прѣити* (ср.: Се азъ состарѣхъся и придохъ дни. Пал 1406; А не вѣдыи доиде ли ѹтренняго дне. ПрЮр XIV). Укрепление именно глаголов поступательного

движения в первой модели (с пассивным субъектом, относительно которого движется время) приводит к утрате продуктивности их использования во второй модели.

В диахронии может происходить замена членов одной лексической парадигмы другой при выражении определенного типа переносного значения. Так, в XI – начале XV в. глаголы (и производные от них) совместного и управляемого движения регулярно выражали операции со временем – промедление, изменение срока исполнения чего-либо (ср.: *переводъ* ‘промедление’, *прѣводити* ‘изменять срок’). В дальнейшем эту функцию начинают выполнять глаголы каузированного перемещения, изменения положения в пространстве (ср.: *перенести* / *передвинуть* / *сдвинуть* / *отодвинуть* *сроки соревнований*; *отложить* *соревнования на три недели* и т.д.). Тем самым усиливается общая концепция модели: субъект активен, объект – пассивен.

В целом наиболее подвержены изменениям периферийные члены метафорического поля. Так, в древнерусском языке глаголы *коснѹтисѹ*, *прикасѹтисѹ* фиксируются в ЛСВ ‘приблизиться / приближаться (о времени)’, утраченных в ходе исторического развития.

Другой характерной чертой диахронических изменений в этой части временного метафорического поля является тенденция к утрате исходного ЛСВ и внутренней формы многими его членами. Так, уже в XI – начале XV в. бытийно-временное значение является первичным для ряда слов, этимологически связанных с обозначением относительной точки на однонаправленной мерной оси «пространства – времени» (начало, середина, конец, межа, грань): *коньчати*, *съконьчавати*; *начати*, *начинати*, *начатие*, *начальнии*. Характерно, что прежде всего это свойственно глаголам или непосредственным производным от них (ср.: *начало*, *конецъ* в исходном ЛСВ сохраняют связь с пространственной лексикой).

Следует отметить, что хотя эта часть метафорического поля достаточно стабильна в диахронии, но особой продуктивностью не отмечена. Более того, в ходе исторического развития происходит значительное сокращение ядерных в подсистеме гнезд (ср. утрату *коньчавати*, *коньчаватисѹ*, *оконьчавати*, *съконьчавати*, *съконьчаватисѹ*, *доконьчати*, *оуконьчати*, *поконъ*, *зачало*), а также членов других гнезд из тех же лексических парадигм. Так, выходят из употребления многие лексемы с корнем *меж-*: *межда*, *промежька*, *междина* ‘временной промежуток’, *межень* ‘середина лета’, *меженьнии* ‘летний’ и др.). Конечно, не всегда такая утрата свой-

ственна русскому языку в целом, например, *межень* сохраняется в русских диалектах.

Кроме того, в целом сокращается число метафорических номинаций, характеризующих период времени или его границу (ср. утрату – *расстояние* ‘промежуток времени’; *расстояти* ‘быть удаленным во времени’), хотя подобные употребления встречаются до XVIII в., причем если в XI – начале XV в. они фиксируются обычно в переводных текстах, то в дальнейшем проникают и в оригинальные (ср.: *По малѣ расстояннѣ времени или по доволнѣ*. МПр XIV; *Въ разстояннѣ четырехъ мѣсяцовъ или скорѣе... подтверждены и укреплены будутъ*. Петр I 1697). В современном русском литературном языке этот тип значения в основном выражают либо неметафорические дериваты, либо слова с утраченной внутренней формой, либо заимствования (*год, месяц, день, час, минута, мгновение*).

В то же время в диахронии возрастает продуктивность формирования значений, указывающих на изменение длительности, прекращение процесса и т.п., где человек выступает как активный субъект, оперирующий пассивным временем. Так, достаточно последовательно увеличивается состав поля за счет слов деструктивной семантики (*разорвать, рассечь*) с определенной словообразовательной структурой. В древнерусском языке это в основном члены гнезда *сѣчи, рѣзати*, причем с префиксом в старославянской огласовке: *прѣсѣчи, прѣрѣзати* ‘прекратить’; *прѣсѣчение* ‘приостановка, перерыв’. В XVI–XVII вв. в процесс метафоризации включаются лексемы с другим корнем и уже русской приставкой (ср.: *И мы его, не издержав ни часу, къ тебѣ съ добрыми вѣстми отпустимъ, чтобы люди наши межъ нами не перерываясь ѣздили*. КрымД II 1518; *Отъ дня подписания инструментовъ безо всякой перерывки до сроку тридцати лѣтъ*. Петр I 1700).

Следует отметить, что члены гнезда *рвать* в подобном значении фиксируются в современных славянских языках, и не только восточнославянских (ср.: украинский – *перерва* ‘перерыв’, *переривати, обривати* ‘прекращать’; белорусский – *абрываць* ‘прекращать’; *перарывание* ‘пресечение’; польский – *przerwać* ‘прекратить’, *przerwa* ‘перерыв’, *przerwany* ‘прерывистый’). Но с точки зрения словообразовательной структуры эта система по языкам достаточно разнородна. Так, в польском языке однокоренные слова с префиксом *ob(e)-* (*oberwać, obrywać*) значений данного типа не имеют; в белорусском, напротив, слова именно такой словообразовательной структуры последовательно включаются в метафорическое поле,

тогда как с префиксом *пере-/пре-* используются менее регулярно. В то же время эта приставка продуктивна в составе слов с другим деструктивным корнем (*перепынак* 'перерыв'; *перепыняць* 'прекращать'; *бесперепынный* 'непрерывный'). Таким образом, формирование переносных значений членами гнезда *рвать* вряд ли относится к праславянскому периоду, но постепенно именно они становятся наиболее частотными при выражении этого типа значений в русском языке (*оборвать разговор, перерыв в работе, прервать переговоры, разговор прервался*), хотя сохраняется возможность использования членов других гнезд (ср.: *отрезок времени, времени в обрзе*).

Не могут быть отнесены к общеславянским в этих значениях и члены гнезда *сечь*. В древнерусском языке они фиксируются, как отмечалось, только со старославянской приставкой, в дальнейшем именно эти славянизмы закрепляются в русском литературном языке (*пресечь, пресекать*). Не случайно из всех современных славянских языков они последовательно используются только в южнославянских (ср.: болгарский – *пресека, пресека се, пресичам, пресичам се, пресеклив, пресекливост*; сербскохорватский – 'пресећи', 'пресецати', 'пресећи се', 'пресецати се'). Влияние старославянских заимствований ощутимо и сейчас. Так, в современном русском языке в словообразовательной структуре подсистемы преобладает старославянский вариант префикса *пре-*, причем основная масса слов относится к словообразовательным частичным метафорам (*прервать, прерывистый, непрерывный, пресечь, пресечение, прекращать, прекратить, непрекращающийся*).

Продуктивность данного варианта модели проявляется также в том, что в диахронии более регулярным становится выражение операций со временем через фиксацию произвольного изменения длины эластичного материала. В современном русском языке наиболее регулярно данный тип значений реализуют члены гнезда *тянуть*, отсутствующие в древнерусском языке. Лишь в XVII в. встречается форма оттяжка 'задержка' (И илѣ же за тѹ бѣлюю рыбу изъ госѹдаревы казны цѣна пряма безъ оттяжки и безъ мотчанья, чего которая рыба стойна. ДАИ VI 1673). Но принцип формирования темпорального значения здесь иной: в основе переноса лежит не увеличение длины эластичного материала, а произвольное изменение положения объекта на оси «пространства – времени». В дальнейшем члены этого гнезда сохраняют способность формировать переносные значения по этому принципу (ср.: *оттянуть разговор*).

Вместе с тем постепенно глагол *тянуть* и его производные начинают развивать переносные значения не только на основе семы перемещения, но и семы протяженности (ср.: *растянуть разговор*; свадьба *растянулась на трое суток*; *затянуть собрание*; *затягивание переговоров*; *затянутая речь*; *затяжные дожди*). Активизацию этого процесса можно проследить в текстах XVIII в., причем вначале этот процесс распространяется на возвратные глаголы, где время мыслится все же отвлеченно от человека, а затем уже и на невозвратные глаголы, где активность человека в отношении времени выходит на первый план. Так, глагол *затянуться* в XVIII в. способен использоваться в темпоральном значении (*Просмотри три их [таблицы], не затянулось ли какое невершеное дело?* Псш. Завещ.), тогда как *затянуть* – нет. Усиление продуктивности этого типа мотивации проявляется и в том, что по тому же принципу формируют переносные значения члены других СОГ, включающих в первичный ЛСВ сему эластичности – самостоятельно или в составе фразеологизмов (ср.: *тянуть канитель*; *канителиться*; *тянуть резину*; *мое время не резиновое*).

Следует отметить, что в ряде случаев крайне сложно определить, какой из двух вариантов лег в основу формирования переносного значения – изменение положения объекта в пространстве или изменение его длины. Так, фразеологизмы *тянуть время*, *протянуть время* буквально могут быть истолкованы как ‘медленно, с трудом перемещать время-объект’ и как ‘увеличивать длину времени-объекта, растягивая его’). Но это свойство проявляется не только в данной парадигме. В целом первая и вторая модели (пассивность и активность субъекта) не противопоставлены абсолютно, подчас пересекаются и выступают в комбинированном виде. В диахронии сильна тенденция к дифференциации моделей и средств их выражения, но она никогда не становится абсолютной.

Характерно, что примеры различного рода отступлений от действия основных тенденций можно обнаружить не только на периферии, но и в ядерной части метафорического поля. Так, ити в древнерусском языке формирует переносное значение в составе глаголов поступательного движения: ‘направляться куда-либо’ → ‘наступать, начинаться’ (первая модель). Соответственно состояние покоя в этом варианте первой модели характеризует длительность. С XVI – XVII вв. этот же глагол фиксируется в значении ‘длиться, иметь место во времени’ (*А дни идуць студеные*. ШведД 1569; *Какъ у королевны столъ шед, и передъ нею играли игроки*. АнглД 1601). Здесь бытийно-временное значение ассоциируется с длитель-

ностью именно через фиксацию движения, отсутствия покоя (вторая модель). В современном русском языке сохраняется совмещение разных (фактически антонимических) по мотивации значений, причем это явление присуще целому ряду слов из того же СП (ср.: *Весна идет, весна идет!* *Мы молодой весны гонцы, она нас выслала вперед!* Тютчев. – *Иной раз казалось ему, что он уже с месяц лежит; в другой раз – что все тот же день идет.* Достоевский; *Ба! Да здесь попойка идет, будет чем поживиться.* Пушкин).

Таким образом, вариативность представлений сохраняется на протяжении всего исторического периода развития русского языка, хотя общее стремление к усилению системности и упорядочению средств выражения бытийно-временных значений через различные модели и их варианты также прослеживается на протяжении всего периода, причем последняя тенденция является основной в диахронии.

Взаимосвязь и подчас отсутствие четких границ между различными представлениями о бытии во времени как о пространственной категории можно проследить на примере других, не столь регулярных макромоделей метафоризации.

Так, бытие во времени может ассоциироваться не только с линейным представлением (вторая макро модель). Например, длительность регулярно выражается с помощью объемных характеристик предмета (третья макро модель). Сам предмет при этом воспринимается как определенный цикл, срок, а его размер фиксирует длительность. Как в древнерусском, так и в современном русском языке основу этой модели составляют прилагательные размера и производные от них. В ходе исторического развития происходит увеличение числа гнезд и их составляющих, способных характеризовать длительность процесса: если в памятниках XI – начала XV в. достаточно широко представлены в этом значении члены гнезда *малын* (*Въ мало время възгради цръкъвь на мѣстѣ томь.* ЖФП XII; *Правидьнии сѹште мало живѹть.* Изб 1076), то с XVI в. антонимическое значение активно развивают и члены гнезда *велии* (*Да ꙗ короля, госꙋдарь, они были великое время.* ПолД III 1560; *Начинает ношь величатися, Днь же ꙗмаливатися.* ПОтр II XVI). В целом лексика объемного размера имеет диффузное значение, и метафоричность темпоральных значений здесь практически не ощущается. В современном русском литературном языке эти лексемы регулярно функционируют как генетические метафоры (ср.: *большой, меньший* (*большой срок; уменьшить срок обработки металлов; он пробыл здесь больше, чем предполагал*)).

В принципе возможен и несколько иной вариант этого типа осмысления длительности: объем фиксирует четко ограниченный временной цикл, а измерение длительности в пределах этого цикла связано со степенью наполненности жидким или сыпучим веществом (ср.: **испълнити** 'наполнить, заполнить что-либо' → 'прожить до какого-либо срока, провести какое-либо время'; **напълнитися** 'окончиться (о сроке)').

В целом использование слов из парадигмы объемных характеристик предмета для обозначения длительности не так свойственно языку, как использование лексем из парадигмы линейного размера. Поэтому в ходе исторического развития происходит утрата целой группы слов со значением длительности, фиксируемой в текстах до XVIII в.: **велини**, **великын**, **величатися**, **умаливатися**, **умьненник**, **крупѣти** ('делаться более мелким' → 'уменьшаться'), ср.: **Зимѣ дни крупѣюште**. КИО XII*; **на умьнение лѣта запрѣщение**. КЕ XII). Однако существенного воздействия на перестройку системы средств выражения бытийно-временных значений это не оказывает.

Кроме того, выявление основания переноса сталкивается с объективными трудностями, связанными с общей диффузностью семантики прилагательных **малын**, **болни**, **велини**. Они характеризуют как объемные, так и линейные параметры, численность кого- или чего-либо. Возможно, именно это в какой-то степени препятствует активному включению членов этих СП в состав метафорического поля. Кроме того, закрепление данных прилагательных (и производных от них) в качестве наиболее обобщенной характеристики размера позволяет им называть количественные параметры в целом, время в этом случае лишь часть этого семантического комплекса.

Представление об объеме, напротив, очень значимо в формировании значений с бытийной семантикой. В частности, это относится к осмыслению бытия во времени как целостности объекта. Способность предмета сохранять целостность осознается как способность к длительному существованию и развитию; деструкция – признак прекращения бытия кого- или чего-либо (ср.: **рүшати** 'разрушать' → 'уничтожать; отменять действие чего-либо'; **развити** 'раздробить' → 'расторгнуть договор'; **развѣяти** 'разметать' → 'уничтожить'). Данный тип переноса очень устойчив в диахронии (ср.: *Разрушить мирный договор / сомнения; развѣять / рассеять сомнения*). Однако данный тип переноса относится к периферии пространственного метафорического макрополя. Слова деструктивной семантики формируют бытийные значения на основе представления не столько о целостном или

нецелостном объекте, сколько о бытии самого объекта: нарушить целостность – значит уничтожить объект как таковой (ср. праславянские представления о смерти как об уничтожении (Иванов 1990: 10); о конце света как о результате закругления, загибания, отраженного, например, во внутренней форме слова *гибель* (Топоров 1994: 45–46). В этом плане мотивация бытийной семантики связана с натуралистической макромоделлю. По такому принципу идет формирование бытийного значения у большинства слов с деструктивным компонентом значения, у лексем, называющих качества вещества или сами вещества, отмеченные большей или меньшей способностью сохранять свою целостность при внешнем воздействии (ср.: *попърати* ‘потоптать; раздавить’ → ‘уничтожить, нарушить’; *пъртъный* ‘созданный из праха, пыли’ → ‘смертный, тленный’ и т.п.).

Таким образом, на протяжении всего исторического периода развития русского языка пространственная модель (в различных ее вариантах) является основной для выражения различных бытийно-временных значений. На ее основе формируется определенное метафорическое поле, сложное, вариативное, но достаточно четкое по своей структуре, со своим центром и периферией. Данное метафорическое поле характеризуется не только многочисленностью членов, стабильной системой значений и способов их выражения в диахронии, но и системностью диахронических изменений, причем одной из основных концептуальных тенденций можно признать усиление активности человека в его отношениях со временем.

Конечно, любые типы систематизации бытийно-временной лексики в пределах пространственного метафорического макрополя никогда не имеют абсолютного характера. И в синхронии, и в диахронии они действуют как тенденции. Однако это служит еще одним доказательством того, что вариативность, избыточность – естественное условие функционирования любой лексико-семантической системы как в синхронии, так и в диахронии.

Литература

Арутюнова Н.Д., 1990, *Метафора и дискурс. – Теория метафоры*, Москва.

Арутюнова Н.Д., 1998, *Язык и мир человека*, Москва.

Балашова Л.В., 1998, *Метафора в диахронии*, Саратов.

Бардина Н.В., 1996, *Конфигуративно-энергетические единицы речевого потока. – Семантика языковых единиц*, Т.1, Москва.

Буслаев Ф.И., 1992, *Преподавание отечественного языка*, Москва.

- Иванов Вяч.Вс., 1990, *Реконструкция структуры символики и семантики индоевропейского погребального обряда. – Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд*, Москва.
- Каралюнас С., 1986, *К выражению противопоставления 'раннее' – 'позднее (время дня)' (соотв. 'утро' – 'вечер') в балтийских и некоторых других и.-е. языках. – Этимология 1984*, Москва.
- Колесов В.В., 1991, *Слова литературного языка в диалектной речи (4. Образ). – Диалектная лексика 1987*, Санкт-Петербург.
- Лакофф Дж., 2004, *Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении*, Москва.
- Лакофф Дж., Джонсон М., 2004, *Метафоры, которыми мы живем*, Москва.
- Лихачев Д.С., 1979, *Поэтика древнерусской литературы*, Москва.
- Лотман Ю.Н., 1992, *Статьи по семиотике и типологии культуры*, Таллинн.
- Маковский М.М., 1989, *Удивительный мир слов и значений*, Москва.
- Преображенский А.Г., 1958, *Этимологический словарь русского языка*, Москва.
- Радугная О.А., 1996, *Синкретизм и полисемия как категории формально-содержательной языковой асимметрии. – Семантика языковых единиц. Т. 1*, Москва.
- Соколов В.В., 1979, *Средневековая философия*, Москва.
- Степанов Ю.С., 1997, *Словарь русской культуры*, Москва.
- Телия В.Н., 1988, *Предисловие. – Метафора в языке и тексте*, Москва.
- Топоров В.Н., 1983, *Пространство и текст. – Текст: семиотика и структура*, Москва.
- Топоров В.Н., 1994, *Судьба и случай. – Понятие судьбы в контексте разных культур*, Москва.
- Успенский Б.А., 1989, *История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема). Статья 2. – Труды по знаковым системам. Вып. XXIII*, Тарту.
- Фасмер М., 1986, *Этимологический словарь русского языка, Т. I*, Москва.
- Фрейденберг О.М., 1997, *Поэтика сюжета и жанра*, Москва.
- Якобсон Г., 1969, *Цели и методы этимологизации слов, выражающих некоторые абстрактные понятия. – Этимология. 1967*, Москва.
- Яковлева Е.С., 1994, *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия)*, Москва.

Man and Time in the Russian Language History

The article is devoted to the analyses of the conceptual metaphors "Time and Coordinate Space" in the literary Russian language history. The principles of forming the conceptual Time-models in the Old Russian language have been discovered. The two most

productive models have been stated. In the first model, time is active and moves on the horizontal datum line; man is static but it is exactly he who takes the central position, which has been perceived as the Present. The second model is also connected with the idea of horizontal moving. But in this model, the man becomes active and moves on the Time coordinate. One can see the increasing productiveness of these conceptual metaphors in diachronic approach. The number of members of this metaphorical field increases significantly as well as the system of the relationship between them becomes more tightly knit. There is the following tendency of the relationship between man and time in diachronic approach from the conceptual point of view. In the Old Russian language time was mostly regarded as something objective and existing independently from a man. But in the contemporary Russian literary language the active influence of a man on the time is becoming possible. This category combines both objective and subjective qualities. Thus, anthropocentrism of the relationship "Man and Time" becomes stronger.

Keywords: *conceptual model, metaphor, Russian literary language, diachronia, time, man.*